

убитых в сёлах животных, должны привозить вместе с тушей или частью её легкие, сердце и печень для осмотра, а также удостоверение сельсоветов, в которых должно быть указано время убоя, состояние здоровья убитого животного» (1, № 9). Владельцы и торговцы мясом выплачивали установленный сбор за ветеринарный осмотр и клеймение мяса. За нарушения данного постановления горожанам грозил штраф в 100 руб. или же принудительные работы до месяца, а сельчанам – штраф до 10 руб. или принудительные работы на срок до двух недель.

Жители Камчатки приобретали мясо в кооперативах или же у частных торговцев. В феврале 1928 г. килограмм мяса стоил 1,9 рубля в кооперативе и 2,5 рубля у частных торговцев. Некоторые покупатели были недовольны качеством обслуживания в мясном отделе Петропавловского кооператива. Здесь, прямо в торговом зале, лежали шкуры убитых коров, стояла большая бочка с салом, не дававшая возможности «свободно подходить к прилавку без риска вымазаться в сале». По сведениям, распространяемым неким Дядей Ваней, население Большерецкого района продавало мясо по цене от 10 до 12 рублей за пуд.

Ветхие страницы «Полярной звезды», выходявшей в свет в 1928 г., воссоздают неповторимую атмосферу навсегда ушедшего времени...

1. ККМГИ. Ф. 5464. Газ. «Полярная звезда». 1928.
2. Там же. Ф. 5465. Газ. «Полярная звезда». 1929.

Л. А. Геготаулина **КАМЧАТСКИЕ ШКОЛЬНИКИ: СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ** **СКВОЗЬ ПРИЗМУ СТОЛЕТИЙ**

Существует немало устоявшихся стереотипов относительно положения учеников в дореволюционной (в том числе камчатской) школе. Зачастую считается, что в XVIII–XIX вв. в школах могли учиться только дети обеспеченных родителей, что плата за учение была непомерно высокой, что путь к школе для представителей инородческого населения был закрыт и т. д.

Безусловно, значительная доля истины в таких утверждениях есть, особенно, если сравнивать досоветскую школу с ее современным этапом развития, когда получение основного общего образования стало конституционной обязанностью граждан без учета их пола, расы, национальности, языка, имущественного и должностного положения, отношения к религии, происхождения и других обстоятельств (5, ч. 2 ст. 19, ч. 4 ст. 43).

Прежде не все дети обучались в школах, да и не во всех населенных пунктах были учебные заведения. Например, по словам И. А. Циунчика, в 40-е гг. XIX в. камчатским селениям нередко приходилось посылать нарочным за 300 верст, чтобы прочесть, бумагу, присланную начальством (42, с. 34). Столь удручающая картина была характерна не только для полуострова. Подавляющее большинство населения не только окраин, но всей страны было неграмотным. Образование долгое время не являлось социальной ценностью, необходимой каждому члену общества. Потребность в нем стала осознаваться лишь в период активной модернизации, по мере роста промышленного производства, вовлечения регионов в жизнь всего государства. Именно в это время начала меняться социальная структура лиц, проходивших обучение в учебных заведениях.

Характеристика социального облика учащихся досоветского периода включает несколько основных параметров. Прежде всего, к ним относятся сословная и конфессиональная принадлежность, национальный состав, возраст и пол учащихся, их количество, подготовленность к овладению учебным материалом, среда обитания, уровень материального обеспечения и т. п.

Активное освоение Северо-востока России привело к тому, что еще до образования целостной региональной системы образования даже разрозненные, разнопрофильные и разноведомственные учебные заведения были поставлены на службу государству. Именно ракурс государственной политики определял потребность в школе, заинтересованность в ее сохранении и дальнейшем развитии, содержание обучения, его платность и, безусловно, социальный состав учащихся.

Определяющим фактором, обуславливающим социальный портрет учеников, была задача, стоящая перед школой. Если общественный заказ был ориентирован на оперативную подготовку технических специалистов для конкретных ведомств, то учебные заведения производили набор уча-

щихся из соответствующих сословий и создавали условия для их обучения (обмундирование, провиант, проживание и т. д.).

Другая сословная картина возникала, если требовалось при помощи школы познакомить аборигенное население присоединенных к России регионов с основами русской культуры и православной веры. Ученики из инородцев при этом учились бесплатно, либо за символическую плату, либо вовсе насильно помещались в учебные заведения.

Влияние государственной политики на сословный состав учащихся можно проанализировать, познакомившись с историей ряда учебных заведений Северо-востока Российской империи.

Выход первопроходцев к Охотскому морю, использование морского пути для сообщения с Камчаткой вызвали необходимость подготовки специалистов морских специальностей из числа местных жителей, хорошо адаптированных к суровым климатическим условиям.

Именно с этой целью в 1732 г. Морским министерством была открыта Охотская навигацкая (в других источниках – штурманская) школа. Первоначально набирали в нее детей чинов морского ведомства из обер-офицерских детей, солдат, матросов и адмиралтейских служителей (9, л. 10об.). В документах за 1780 г. упоминаются, помимо детей морских служителей, также казачьи дети и дети ссыльных (16, л. 3).

По отчетам начала XIX в. известно, что за прошедшие десятилетия контингент воспитанников несколько расширился и формировался из «...детей землемеров, штурманов, геодезии унтер-офицеров, статских обер-офицеров и приказных, казачьих и адмиралтейских служителей...» (15, л. 151об.). По состоянию на 1849 г. ученики по происхождению были из матросских детей, из унтер-офицеров, из мастеровых, обер-офицеров, 1 – из незаконнорожденных и 1 – сын канцеляриста (12, л. 3). Воспитанники жили при школе: на плане Охотской штурманской школы обозначены, помимо классных комнат, спальные комнаты, кровати, столы, шкафы, кухня, баня, амбар, огород... (12, л. 25об.–26).

В зависимости от способностей и того, как воспитанники выдерживали испытания при выпуске из школы, некоторые впоследствии поступали в подштурманы, писари и вахтеры, а неспособные поступали на службу во флотский экипаж и адмиралтейскую команду матросами и мастеровыми (15, л. 63об.). Кроме того, что выпускники определялись на штурманские должности на казенные суда, они были востребованы на судах купцов, имевших звериные промыслы и торговлю на островах восточного моря (16, л. 5об.). Тем самым Охотская навигацкая школа на протяжении многих десятилетий (несмотря на несколько перерывов в работе) выполняла социальный заказ, связанный с обеспечением региона специалистами морского профиля.

Охотская навигацкая школа стала классическим примером ведомственного учебного заведения профессионального типа, и набирались в нее ученики из нижних чинов морского ведомства, как правило, из сирот (13, л. 1, 4). Ввиду бедности родителей, либо их полного отсутствия из казны на основании Положения о военно-сиротских отделениях выделялся провиант для учеников (15, л. 151) и небольшое жалование. Из жалования и от экономии от провианта штурманские ученики «содержали себя пищею, заводили платье и нанимали квартиры» (13, л. 6).

При ревизии Охотского порта в 1838 г. выяснилось, что учащиеся были одеты по форме кадетов Первого штурманского полужипажа (13, л. 26об.). В Российском государственном архиве военно-морского флота сохранились рисунки мундиров учеников (13, л. 18об.–19). Можно найти информацию и о том, на какое время выдавалось то или иное обмундирование. Например, шинель выдавалась на 3 года (16, л. 27).

Для того, чтобы повысить мотивацию к учению, за освоение (помимо практических навыков) «особых высоких наук» в навигацкой школе к жалованию устанавливалась прибавка: обучающимся писать добавляли 1 коп. в день, арифметике – 1,5 коп., геометрии и тригонометрии – 2 коп. в день (16, л. 2). Известны поощрения и иного рода: за успехи в обучении и отличное поведение ученики награждались чертежными инструментами или книгами (16, л. 40).

Если дети нижних чинов морского ведомства могли обучаться в ведомственной школе, то родители из других сословий не могли дать своим детям образование без выезда в Центральную Россию. В 40-е гг. XIX в. даже велась переписка начальника Охотского порта по поводу изменения статуса навигацкой школы и допуска в нее выходцев из других сословий, поскольку «...не дано никаких средств к образованию ни детей чиновников, ни детей других ведомств... Никто из находящихся в Охотске не имел никаких способов не только, чтобы дать какое-либо образование своим детям, но даже обучить их российской грамоте... Эта причина принуждала полезных на службе чиновников выезжать из Охотска...» (15, л. 99). Несмотря на убедительные аргументы сломить сопротивление ведомственных чиновников не удалось.

Аналогичный ведомственный характер имела и Камчатская ремесленная школа, созданная в 1817 г. под эгидой Министерства государственных имуществ. Согласно высочайшему повелению заведена эта школа была для «научения» детей камчадалов разным ремеслам в помощь сельскому хозяйству.

В рапорте начальника Камчатки от 21 мая 1841 г. указывалось, что в виду совершенной невозможности иметь учеников из туземцев было разрешено определять в ремесленную школу на вакантные места учеников из казаков с тем, чтобы впоследствии они могли заняться земледелием или поступить на службу по ведомству Министерства государственных имуществ (10, л. 1, 8, 10, 21об.). При этом особым образом подчеркивалось, что выпускников ремесленной школы нельзя было использовать для нужд морского или военного ведомства. То есть если какое-то из ведомств выделяло средства на подготовку своих кадров, то оно получало исключительное право использовать их знания и навыки исключительно в своих интересах.

Еще одним из примеров формирования узкословного состава обучающихся может служить Петропавловское морское училище. Из рапорта его заведующего следует, что в 1853 г. контингент учащихся был представлен выходцами из унтер-офицерских детей, а также детей матросов, мастеровых, мещан, коллежского асессора (14, л. 8).

Таким образом, учебные заведения профессионального типа были строго ориентированы на сословный статус воспитанников. Однако существовали и иные учебные заведения, в которых ученики обучались на бессословной основе. Чаще всего ими являлись элементарные школы грамоты и церковно-приходские школы.

40-е гг. XVIII в. стали периодом активной христианизации населения Камчатки и Чукотки, поэтому первыми учителями в созданных церковных школах стали члены духовных миссий. Школы изначально были ориентированы на содействие распространению христианства среди аборигенного населения присоединенных районов: знакомили с основами веры, готовили церковнослужителей для первых церквей, а также лиц, которые в дальнейшем самостоятельно могли распространять элементарные знания среди сородичей. Именно поэтому подавляющее большинство первых учеников являлись представителями коренного населения.

Один из руководителей Второй Камчатской экспедиции А. И. Чириков в своих рапортах в Государственную Адмиралтейств-коллегию в 1746 г. подчеркивал необходимость не разорять и не озлоблять туземное население, крестить их в христианскую веру и использовать для этих целей школы, в которых необходимо «...обучать детей их русской грамоте с детьми служилых людей...» (20, л. 735).

Сословный и национальный состав учащихся во многом определялся также и местом расположения учебного заведения (29, л. 6об.–7, 16об.–17; 30, л. 75об.). Как правило, в селениях, где доминировало русское население, основной контингент составляли дети казаков и мещан. Подобную картину можно было встретить в Петропавловске, Милькове, Тигиле, Большерецке, Ключах, на Командорских островах, в Гижигинской округе и т. д. (22; 31).

В Тигиле, например, в 1870 г. из 30 учеников 18 были казачьими детьми (60 %), 4 – камчадалскими, 2 – мещанскими, остальные принадлежали к разным сословиям (26, л. 18об.). Напротив, в северном селении Дранка из 16 учеников 14 были камчадалскими детьми (87,5 %), 1 – из олоторских коряков, русских учеников не было вовсе (26, л. 19). Школа в селении Толбачик (с преобладанием аборигенного населения) была целенаправленно открыта для обучения камчадалских детей (31). В то же время в конце 80 – начале 90-х гг. XIX в. в Ключевской школе, расположенной в соседнем селении, при численности учеников в 33–38 человек количество камчадалских детей варьировалось от 1 до 3, остальные были русскими (31, л. 51–51об.). Несмотря на географическую близость селений Толбачик и Ключи, фактором, определяющим состав учащихся, стал национальный состав самого населения: в русском селении Ключи, соответственно, было подавляющее число русских учеников.

До 1893 г. на Камчатке иных школ, кроме церковно-приходских и элементарных школ грамоты, не существовало. Благодаря церковным отчетам сегодня известны населенные пункты, в которых существовали школы. Более того, известны и те, где священники занимались обучением камчадалских детей. В Петропавловской округе к последним относились Петропавловск, Тигиль, Мильково, Ключи, Нижнекамчатск, Дранка, Палана (31, л. 28–29, 40–40об., 63).

Практически весь спектр провинциального городского населения был представлен в Петропавловской школе. В 1885–1886 гг. самую значительную часть учащихся (84,7 %) составляли дети мещан, казаков и матросов. Среди остальных были единичные представители духовенства, купечества и крестьян (подсчет по: 27, л. 40).

Определенные изменения произошли в сословной характеристике городских учеников лишь в начале 90-х гг. XIX в. По данным за 1892 г., в Петропавловской школе наряду с детьми мещан, казаков и матросов (68,4 %) появились дети чиновников, канцелярских служащих и иностранных граждан (21 %), увеличилось количество учеников из крестьян (7,8 % в отличие от 2 % в 1886 г.) (подсчет по: 19, л. 102). К этому времени в Петропавловске успешно функционировала за счет добровольных пожертвований школа, а городское общество предпринимало действенные усилия по открытию городского училища.

Еще в большей степени изменился социальный состав учащихся после открытия в Петропавловске городского училища, предоставлявшего возможность получения большего объема знаний, чем в обычных церковно-приходских школах. В итоге дети многих жителей из разных регионов Камчатки смогли продолжать свое образование, не покидая пределов полуострова. А появление при городском училище общежития позволило ученикам и из самых удаленных селений учиться в городе. Это в еще большей степени сделало пестрым сословный состав учеников.

Показатели за 1915 г., сгруппированные по всем уездам Камчатской области, дают возможность составить представление о национальном составе учащихся. В условиях численного преобладания школ на территории, в основном заселенной камчадалами (ительменами и потомками смешанных браков ительменов и казаков), из 766 учеников почти 90 % были камчадалами. Остальные ученики представляли иные народы: коряков, алеутов, ламутов, японцев, корейцев (40, л. 52). Выделяя представителей немногочисленных народов и справедливо указывая на доминирование в школах камчадалов как населения, превалирующего на территории распространения школ, авторы отчета не указали на численность русских учеников, хотя русское население составляло до 1/3 жителей Петропавловского уезда. Вероятно, учитывая активный процесс ассимиляции, данную категорию объединили с камчадалами.

Эти и другие архивные данные позволяют сделать вывод, что в местах компактного проживания аборигенного населения среди школьников преобладали представители тех народов, которые жили на данной территории. Таким образом, месторасположение учебных заведений во многом определяло национальный состав учащихся.

Учитывая эти характеристики, следует отметить, что заключения отдельных историков советского периода об абсолютной недоступности школы для отдельных сословий или национальностей в исследуемый период не представляются состоятельными (4; 6).

Несмотря на преобладание в учебных заведениях детей аборигенного населения, до 1915 г. специальных инородческих школ в области не было (40, л. 54). Тем не менее, развитие школьного дела в Российской империи в начале XX в. подошло к тому, что потребовался качественно новый подход к работе с учениками-инородцами. В 1913 г. Министерство народного просвещения утвердило «Правила о начальных училищах для инородцев» (32, л. 3–5). Определив цели и место инородческих училищ в системе начального образования России, «Правила...» особое место уделили проблеме национального языка и учебным предметам.

Родным был определен тот язык, на котором говорили дети в семье. Среди учебных предметов впервые был введен наряду с русским языком родной язык учащихся. Даже преподавание Закона Божьего должно было вестись на родном языке или на русском языке, если последний был достаточно усвоен детьми и не было препятствий к тому со стороны родных. Прежде, даже если инородцы между собой не использовали русский язык, а говорили на родном, то обучение в школе все равно происходило на русском языке (34, л. 237–238).

Реализация основных положений «Правил...» привела к необходимости разработки новой методики преподавания в национальных школах. Наибольшее распространение, в том числе и на Камчатке, получила так называемая «система Н. И. Ильминского» (11, л. 5–15; 40, л. 74об.).

В соответствии с ней преподавание велось на русском языке, по русским учебникам (изд. Михеева), но приспособленным к обучению инородческих детей. Курс обучения в инородческой школе составлял 4 года. В отдельных случаях прием в школу происходил через год, после подготовительного периода, посвященного изучению разговорного русского языка.

К характерным чертам большинства камчатских школ в рассматриваемый период можно также отнести их смешанный состав. Первое в истории камчатской школы упоминание о совместном обучении мальчиков и девочек относится к 60-м гг. XIX в.

Появление смешанных школ в крупных населенных пунктах свидетельствовало о назревшей потребности создать условия для обучения девочек. Об этом ходатайствовал в свое время еще В. С. Завойко. При этом губернатор настаивал на обязательном раздельном обучении учеников разного пола.

Мотивация женского образования, предложенная В. С. Завойко, имела своеобразный характер. По мнению В. С. Завойко, девочек нужно было обучать грамоте только для того, чтобы они впоследствии сами могли обучать своих детей.

Первоначально смешанный состав учащихся имели школы в Тигиле и в Петропавловске, позже с таким положением дел можно было встретиться практически во всех учебных заведениях Камчатки (26, л. 18об., 20; 30, л. 47об., 49об., 65, 66об., 6–72).

Несмотря на то, что на местном уровне в рапортах сельских старост мы встречаем упоминание о совместном обучении, в официальных донесениях окружного полицейского управления первое время по-прежнему указывалось, что в школах Петропавловской округи учениц не было (24, л. 23).

Введение смешанного обучения отнюдь не означало либерализации школьной политики на Камчатке. Причина новшества была достаточно прозаична и связана с бедностью школьных бюджетов.

В силу невозможности для общества одновременно финансировать сразу две школы, в качестве исключительной меры решено было ввести совместное обучение либо обучение мальчиков и девочек в разные смены. Однако вскоре эта вынужденная для камчатских школ мера приобрела легитимный характер. Постановлением министра народного просвещения от 26 марта 1870 г. во всех инородческих школах России было разрешено устраивать смены для обучения девочек (8; 11, л. 48об.).

В 70-е гг. XIX в. смешанные школы, допускавшие совместное обучение мальчиков и девочек, появились в Петропавловске, Ключах, Дранке, Милькове (21, л. 33об.; 29, л. 8, 14об.–15, 16об.–17, 21об.–22). Как правило, первоначально количество девочек было в несколько раз меньше количества мальчиков. Однако постепенно эта разница сократилась. Более того, известны случаи, когда девочек обучалось больше, чем мальчиков. Например, в 1892 г. в Никольской церковно-приходской школе на о. Беринга вместе с 2 мальчиками обучались 22 девочки (38, л. 89об.).

На рубеже XIX–XX вв. совместное обучение перестало быть чем-то из ряда вон выходящим. Практически все открытые школы носили смешанный характер. Примеров подобной практики множество: школы в Петропавловске, Дранке, Нижнекамчатске, Палане, Тигиле, Большерецке, Машуре, Толбачике, Милькове, Облуковине, Воровском и т. д. (21, л. 33–35; 23, л. 113–113об.; 25, л. 113; 27, л. 40, 102; 35, л. 18об., 19, 38, 60об., 65об.; 33, л. 4об., 13об., 14, 37об., 44об., 49а, 56, 66; 34, л. 223, 241, 244; 38, л. 89об.; 39, л. 237; 37, л. 43; 40, л. 72; 31, л. 5об.–6, 8об.–10, 51–51об., 211).

Лишь в Ключах была предпринята попытка одновременного открытия сразу двух школ – мужской и женской. Первая была основана в 1871, вторая – в 1892 г. Помещались школы в одном здании, но имели разные входы. Обе содержались на приходские деньги (35, л. 42об.). Однако со временем денежные средства, шедшие на содержание обеих школ, были направлены на создание школы повышенного типа (двухклассной) со смешанным составом учеников, а также на оплату труда квалифицированного учителя, имевшего специальное педагогическое образование (34, л. 239, 241).

Продолжительность обучения в школах зависела от нескольких факторов: от типа учебного заведения, способностей учеников, наличия учителей, их занятости по основному месту службы (если, к примеру, учитель был церковнослужителем), желания родителей и т. п.

В середине XIX в. в Петропавловском морском училище во втором классе одновременно учились воспитанники разного возраста: 9, 10, 12, 16 и 18 лет (14, л. 8). В одноклассном училище учились, в среднем, от 3 до 5 лет, в двухклассном – от 5 до 7 лет (40, л. 73). Известны случаи в конце 70-х гг. XIX в., когда срок обучения в одноклассной церковно-приходской школе составлял до 10 лет (29, л. 16об.–17). При этом возраст поступления в школу колебался от 8 до 15 лет (30, л. 75об.).

Отсутствие фиксированной продолжительности учебного года, а также сезонный характер промыслов, которыми занимались местные жители, позволяли учиться в школе достаточно взрослым лицам. Как правило, время учебы охватывало зимние месяцы, когда промысловая деятельность, за исключением охоты, не носила интенсивного характера. В среднем, учебный год длился с середины октября до середины мая (28, л. 42–45; 17, л. 1–2об.; 18, л. 2–2об.).

Судьбу учеников нередко определяли их родители, исходя в конце XIX в. из того, «мог сын-школьник таскать пудовый мешок муки при разгрузке парохода и мог подписать свою “фамиль”... значит учиться довольно и брал его из школы» (7, с. 506). По Летописи Петропавловского городского училища можно проследить, как кардинально изменилось отношение к школе уже через полтора десятилетия. Анализируя события 1910/11 учебного года, П. Т. Новограбленов писал: «население поняло, что не только охота да рыбная ловля, но и образование может дать средства к существованию. Прежний взгляд на образование, как на занятие совершенно праздное, теперь изменился...

некоторые из окончивших курс в городском училище были назначены учителями в церковно-приходские школы, двое из учащихся были отправлены на казенный счет в Иркутскую военно-фельдшерскую школу...» (7, с. 525).

Если вести речь о численности учеников в разные периоды истории школьного строительства, то оказывается, что отсутствует достаточное количество репрезентативных данных по всем районам Северо-востока, следовательно, это не позволяет составить абсолютно точную картину численности учеников. Тем не менее, с определенной долей уверенности можно говорить о ее постоянном увеличении. Положительная динамика численности учащихся характерна для всех регионов Северо-востока Российской империи.

При изучении динамики численности камчатских учащихся в XIX в. следует отметить, что чаще всего в архивах встречаются данные по школам Петропавловской округи Приморской области. Это обусловлено численным превосходством учебных заведений в этой наиболее заселенной округе, а также нестабильной работой школ в иных малолюдных округах. В Петропавловской округе школьная сеть развивалась наиболее интенсивно не только в XIX, но и в начале XX в.

По результатам Обзора Приморской области за 1897 г., в г. Петропавловске и Петропавловской округе обучалось грамоте 11,8 % детей школьного возраста, в Гижигинской округе – лишь 2,8 % (36, л. 44). К 1907 г., по мере увеличения количества учебных заведений в указанных районах, показатели изменились, соответственно, до 29,7 и 6,9 % (3, с. 80).

Многokратно увеличилась численность учащихся в Петропавловске. Если в 1860 г. соотношение числа учащихся к числу горожан составляло 1 : 100, то в 1916 г. оно достигло 1 : 13 (подсчет по: 1, с. 70; 2, с. 216; 40, л. 68; 41, л. 208об.).

Изменение социальных характеристик учащихся как явления многофакторного связано с основными тенденциями в развитии камчатской школы. К концу досоветского периода объективно повысился уровень грамотности населения, в школах всех ведомств увеличился период обучения, введено смешанное обучение учащихся обоего пола, национальный фактор и сословная принадлежность учащихся более не являлись препятствием для получения начального образования.

За время существования учебных заведений на Северо-востоке Российской империи вектор развития образования изменился кардинальным образом. Вначале обучение в школах носило утилитарный характер, связанный с распространением элементарных технических знаний либо православия, и школа являлась лишь средством достижения поставленных целей. Образовательные заведения создавались за счет различных государственных ведомств. Со второй половины XIX в. обучение грамоте стало нормой, городские и сельские общества на собственные (пусть и весьма скромные) средства открывали и содержали школы, выплачивали жалование учителям. Можно констатировать, что школа постепенно стала осознанной необходимостью для общества. Оговоримся, однако, что речь идет лишь о начальной школе, средних и высших учебных заведений в рассматриваемый период в регионе еще не было.

Таким образом, период второй половины XIX – начала XX вв. характеризуется активным изменением социальных характеристик школьников: увеличилось число школ и количество учащихся в них, в том числе представителей коренного населения; введено совместное обучение мальчиков и девочек; появились школы повышенного типа (многоклассные школы и городские училища), в которых можно было продолжить учебу, не покидая родных мест.

1. *Витер И. В.* Хроника строительства города Петропавловска (1740–1923). Петропавловск-Камчатский : Издат. центр тип. СЭТО-СТ, 1997. 112 с.

2. *Геготаулина Л. А.* Петропавловское высшее начальное училище // Краеведческие записки. Вып. 8. Петропавловск-Камчатский : КОКМ, 1993. С. 190–221.

3. *Карпинский В.* На очереди // Сибирские вопросы. 1909. № 49–50. С. 72–85.

4. *Ким М. П.* 40 лет советской культуры. М. : Госполитиздат, 1957. 388 с.

5. Конституция Российской Федерации 1993 г. (с учетом законов Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации) // Рос. газ. от 25 декабря 1993 г.; [www://http.pravo.gov.ru](http://www.pravo.gov.ru) .

6. *Кронгауз Ф. Ф.* К истории советской школы на Крайнем Севере. М. : Учпедгиз, 1948. 121 с.

7. *Новограбленов П. Т.* Школьная летопись. История школы (краткий очерк) // Камчатский летописец. Вып. 2. Петропавловск-Камчатский : Камчатпресс, 2012.

8. О мерах к образованию населяющих Россию инородцев // Сборник постановлений по министерству народного просвещения. Т. 4. СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1871. 438 с.

9. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1647.

10. РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 5268.
11. Там же. Ф. 32. Оп. 1. Д. 337.
12. Там же. Ф. 402. Оп. 1. Д. 1434.
13. Там же. Д. 792.
14. Там же. Оп. 2. Д. 217.
15. Там же. Д. 3.
16. Там же. Ф. 432. Оп. 1. Д. 3641.
17. РГИА ДВ. Р-1382. Оп. 1. Д. 64.
18. Там же. Д. 65.
19. Там же. Ф. 1. Оп. 4. Д. 716.
20. Там же. Ф. 216. Оп. 1. Д. 48.
21. Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1118.
22. Там же. Д. 1154.
23. Там же. Д. 1591.
24. Там же. Д. 273.
25. Там же. Д. 6108.
26. Там же. Оп. 2. Д. 260.
27. Там же. Оп. 4. Д. 716.
28. Там же. Ф. 1005. Оп. 1. Д. 185.
29. Там же. Ф. 1009. Оп. 3. Д. 104.
30. Там же. Д. 3.
31. Там же. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 2.
32. Там же. Ф. 1613. Оп. 1. Д. 1.
33. Там же. Ф. 244. Оп. 1. Д. 101.
34. Там же. Д. 290.
35. Там же. Д. 92.
36. Там же. Оп. 2. Д. 13.
37. Там же. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1565.
38. Там же. Д. 259.
39. Там же. Д. 601.
40. Там же. Оп. 3. Д. 563.
41. Там же. Ф. 87. Оп. 1. Д. 78.
42. *Циунчик И. А.* Просвещение на Камчатке в связи с главнейшими историческими эпохами. Владивосток : Тип. Приморского областного правления, 1914.

О. А. Гирина **ИССЛЕДОВАНИЯ ВУЛКАНА БЕЗЫМЯННОГО**

Вулкан Безымянный, один из самых активных вулканов мира, находится в самом центре Ключевской группы вулканов на полуострове Камчатка в России. В 1955 г. впервые в истории Безымянный начал извергаться, и спустя 6 месяцев произошло его катастрофическое извержение с объемом эруптивных продуктов более 3 км³. Лавовый купол начал расти в эксплозивном кратере вулкана непосредственно сразу после катастрофы, и его формирование продолжается до настоящего времени.

В 1908–1910 гг. на Камчатке работал Геологический отряд под руководством С. А. Конради в составе Камчатской экспедиции Русского Географического общества, организованной на средства мецената Ф. П. Рябушинского (23). Они первыми составили карту с координатами вулканов, опубликованную в работе Н. Г. Келля «Карта вулканов Камчатки» (21). Имя «Безымянный» дал вулкану С. А. Конради (1). В работе А. Н. Заварицкого (19) вулкан описан коротко, но приведены петрографические описания пород, собранных в районе вулкана А. Эрманом, С. Конради, А. Трошиным, Г. Дягилевым и др. Краткое описание вулкана и более подробная петрографическая характеристика района Безымянного содержатся также в работе В. И. Влодавца (7). А. Н. Заварицкий и В. И. Влодавец считали влк Безымянный потухшим. Б. И. Пийп (29) назвал Безымянный и Ключевской самыми молодыми вулканами Ключевской группы, отметив свежесть склонов и лавовых образований влк Безымянного. Он первым дал подробное описание этого вулкана и высказал предположение, что Безымянный является или недавно потухшим, или не совсем потухшим (29).